

Раздел II

ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

А. В. Попов

Провинциалы глазами Плиния Младшего: к проблеме формирования образа Другого

Проблема наполнения содержанием термина «интеллектуальная история» имеет широкую историографическую традицию. В отечественной историографии эта тема была актуализирована резко возросшей в 1990-е гг. тягой к исследованиям всего, что числилось под маркой «субъективного», в противовес акценту советской науки на объективизацию исторической реальности.

Мы не стремимся представить анализ основных общепризнанных концепций. Цель в другом — попытаться выделить ряд критериев, которым, как мы считаем, должна соответствовать работа с понятием «интеллектуальная история». Вторая, конкретно-историческая часть работы преследует несколько иные задачи, о них будет сказано ниже.

Проведение исторического исследования требует диалога между историком и источником. Историк задает вопросы и стремится получить от источника ответы. Но при этом могут возникнуть серьезные проблемы, связанные с взаимопониманием.

Если «собеседники» передают друг другу информацию вне единой системы координат, степень потери при передаче возрастает многократно, а порой информационный контакт вообще невозможен. Иными словами, каждая система координат требует своего «словаря». Историку для работы необходимо иметь представления о «словаре культуры» того, с кем он ведет разговор. Только внутри этого словаря общение имеет смысл. Само выражение «словарь культуры» — метафора, так что и в определении будет некоторая метафоричность. В упрощенном варианте словарь культуры можно определить как систему

понятий, дающих ее носителю знания об окружающем его мире. Эти знания о мире через систему понятий отражены в источнике. И следуя нашему рассуждению, человек вместе с историческим источником рассматривается в качестве носителя данной системы. В подобной ситуации особое значение приобретает четкое определение источниковой базы, на основе которой происходит формирование исследователем словаря культуры, ведь единственная реальность, которая есть у исследователя, — источник.

Что же происходит, когда историк пытается задать источнику вопрос, содержащий словосочетание «интеллектуальная история»? Выступая в роли предиката, интеллектуальная история характеризует специфику передачи знаний в изучаемой исторической сфере внутри какой-либо культуры. Следовательно, конкретное содержание «вопроса» зависит от специфики информационных процессов в культуре, от характера передачи знаний и пополнения информационного поля культуры. В таком случае в анализ источника следует ввести отдельным пунктом характеристику информационного поля культуры, определение путей сохранения, творческого пополнения и передачи информации. Источник, из которого можно выделить подобную информацию, очевидно, и может быть источником интеллектуальной истории.

Таким образом, для работы с понятием «интеллектуальная история» исследователю требуются три элемента, из которых будет состоять его «вопрос»: специфика изменений информационного поля культуры, пути подобных изменений; границы культуры, заданные источниковой базой (она же задает нам элементы «словаря культуры»); область применения или предмет нашего исследования. На этом и должен строиться диалог.

Приступая ко второй части работы, заметим, что рассмотрение образа Другого в конкретном историческом источнике связано со спецификой восприятия и передачи информации в переходные периоды истории культуры. Мы изучаем пути изменения информационного поля, отраженные в источнике, и элементы «словаря» на примере формирования образа провинциалов.

Оппозиция «свой — чужой» универсальна для человеческого сознания. Понятие «Другой» имеет большое значение в осознании собственной идентичности. Но на разных этапах человеческой истории наполнение этого образа было далеко не одинаково. Изучение развития представлений об Ином является одной из актуальных проблем современной исторической науки. Однако содержание образа в разные периоды не до конца определено, чему виной в том числе и узость базы конкретно-исторических исследований.

Цель нашей работы — проведение подобного конкретно-исторического исследования на основе сборника нарративных источников, объединенных под названием «Письма Плиния Младшего»¹, и выявление степени соотношения образа Иного с социальной категорией провинциалов в сознании представителя интеллектуальной элиты общества. Если медиевисты работают над выявлением характеристик, которыми современники наделяли образ Иного², то историки, занимающиеся античностью, пока что должны очертить сам образ как таковой, дать определение Другого в определенный период истории.

С этой целью мы рассмотрим конкретный нарративный памятник, автор которого являлся представителем сообщества интеллектуалов империи на рубеже I—II вв. н. э.

Гай Плиний Цецилий Секунд родился в городе Комо на севере Италии в 61 или 62 г. Детство он провел в родительском имении. Прошел школу грамматики. О его молодых годах мало что известно. Отец Плиния умер, когда тот был еще ребенком, и семья переехала в Рим к брату матери — Плинию Старшему, который усыновил племянника. Но в 79 г. глава семьи погиб во время извержения Везувия, что стало трагедией для юноши. Под влиянием сначала отца, а потом дяди Плиний уже с раннего возраста оказался в кругу людей, не чуждых интеллектуальному труду. Это способствовало окончательному его переезду в начале 80-х гг. из имения семьи в Рим для продолжения обучения и начала общественной карьеры. *Cursus honorum* Плиния Младшего являет собой пример практически идеального перехода от одной карьерной ступени к другой. В 82 г. в Сирии он прошел полагающуюся военную

службу. Вернувшись в Вечный город, Секунд продолжает подниматься по карьерной лестнице, занимая магистратуры от квестора до консула (100 г.). В 100—103 гг. Плиний участвует в громких процессах по делам наместников провинций, в ходе которых проявляет себя талантливым защитником и обвинителем. Вообще, за годы судебной деятельности он заработал прекрасную репутацию как у элиты Рима, так и среди провинциалов. Участие Секунда в двух процессах, связанных с Вифинией, и личное знакомство с принцепсом Траяном определило назначение его в качестве чрезвычайного легата в провинцию Понт и Вифиния в 109 г. Там Плиний и заканчивает свою жизнь. Он умер между 111 и 113 гг.

Плиний — личность неоднозначная. И его творчество, и жизнь дают поводы для самых разнообразных мнений о нем, его характере, жизненных принципах. Одни историки наделяют автора «Писем» искренностью, трудолюбием, честностью, самокритичностью и прочими положительными качествами, другие — обвиняют в лицемерии, деланности, желании выслужиться, вычурной философичности и т. п. Однако важно то, что картина мира, сформировавшаяся у Плиния, представляет собой отражение процессов, которые происходили в римской интеллектуальной среде периода раннего принципата. В этом свете выделение образа провинциала и анализ этого образа в контексте оппозиции «свой — чужой» становится актуальным в плане изучения мировоззрения римской элиты.

Для начала необходимо дать определение понятия «провинциал», которое будет использоваться в данной работе. В современном значении провинциал противопоставляется жителю столицы, т. е. решающим является принцип пространственной локализации, так сказать, места жительства. В период античности провинциалом было принято называть человека, обладающего (а точнее — не обладающего) определенным юридическим статусом. То есть человека, не являющегося римским гражданином в категориях римского права. В статье мы постараемся применять аутентичное значение термина, однако следует сделать оговорку, что это не всегда возможно, ведь приходится опираться на замечания самого Плиния, а он определяет человека

скорее через пространственную позицию («Такой-то оттуда-то»). Принимая во внимание практику двойного гражданства, для Плиния гражданами в полном смысле слова являются люди, родившиеся в Италии, в пределах старой локализации гражданского населения. Выходит, что определение провинциала получает и пространственные характеристики. Таким образом, в данной работе мы используем принцип условного подхода к определению термина «провинциал». Это человек, в источнике поименованный как гражданин другой городской общины. Двойное гражданство нами в расчет приниматься не будет.

Моменты, связанные с общением Плиния с провинциалами, можно классифицировать по различным признакам. Так как «Письма» являются литературным произведением, а не эпистолярным наследием, то первый признак, положенный нами в основу классификации, это принцип цели. Мы разграничиваем письма, в которых Плиний имел своей целью описать человека, обозначаемого нами как провинциал, и письма, в которых черты, приписываемые провинциалам, указываются как бы мимоходом, когда создание образа человека не является целью.

Мы примем за основополагающий принцип разделение описаний провинциалов в общественных контактах Плиния и в частной жизни. Под первую категорию попадают контакты в ходе его общественной карьеры: это четыре судебных процесса с участием провинциалов. Под вторую категорию — портреты трех провинциалов, данные Плинием соответственно в отдельных письмах.

Анализ текста состоит из двух этапов. Поначалу мы выделим и разберем эпитеты, которыми характеризуются провинциалы в обеих категориях ситуаций. Это позволит создать некий стабильный образ на основе конкретного источника. Следующий этап будет содержать компаративные элементы. Выделенный образ сравнивается с системой оппозиций группы морально-этических понятий, составляющих некие добродетели римлянина. Таким образом, идеальную модель оппозиции «мы — они», выделенную в общественном сознании поздней республики под влиянием социальных и культурных изменений III—II вв. до н. э.³, можно будет сравнить с выработанным на практике образом

провинциала. Через это сравнение мы добьемся определения соотношения двух этих понятий: насколько «не-Мы» идеальное, предполагающее противопоставление «римлянин — не римлянин», соотносится с выделенным образом.

Рассмотрим теперь первую категорию. Дело Мария Приска, проконсула провинции Африка, разбирается в двух письмах⁴. Сами провинциалы здесь названы просто *Afris* (африканцы). В этих письмах нет характеризующих провинциалов эпитетов. Оба они посвящены ходу процесса и поведению его активных участников. Сам этот факт уже примечателен. Он дает нам понять, что именно будет интересовать Плиния при описании любого из участников процессов. На первый план выходит поведение человека как оратора.

Интересно отметить, что, описывая процесс и его участников, Плиний всего раз коснулся описания внешности. Этот элемент явно подчеркивал отрицательную характеристику человека. То был Гостилий Фирмин, легат Мария Приска, потративший *nomine unguentarii* (на благовония) 10 тыс. сестерциев. Эта приписка к растрате, по мнению Плиния, характеризует человека как щеголя, т. е. слишком интересующегося своей внешностью. Для Плиния подобное определение — *foedissimo* — позорнейше.

Второй судебный процесс — это процесс по делу Цецилия Классика, проконсула Бетики. Несмотря на то, что главный обвиняемый к этому моменту уже скончался, провинциалы настаивают на обвинении сенатора Классика посмертно. Кроме того, они желают, чтобы были наказаны и соучастники преступлений наместника. Среди последних двое провинциалов — Бебий Проб и Фабий Гиспан. Оба они обладают *gratia*, а Гиспан еще и *facundia validum*⁵. Первый эпитет требует особого комментария. Слово это можно перевести как привлекательность, приятность, а также благосклонность, снисхождение. Кроме того, оно может означать и влияние, авторитет. Исходя из всех значений данного понятия, *gratia* можно определить как умение приятно подать себя окружающим, итогом чего становится влияние, приобретаемое среди последних. Важно подчеркнуть неразрывную взаимосвязь между действием

и требуемой реакцией. *Gratia* предполагает сумму действий, обязательно приводящих к результату.

Facundia validum, чем обладает Фабий Гиспан, предполагает умение владеть речью, красноречие, позволяющее его обладателю выделиться. Приводя аргументы в свою защиту, оба обвиняемых ссылаются на то, что они, как провинциалы, должны были подчиняться наместнику. Однако при этом главным аргументом соучастников становится *metus* (страх). Их защитник Клавдий Реститут выражает негодование — его лишили главного аргумента. Этот опытный в судебных делах человек знает, к чему апеллировать, и это знание примечательно и для нас. Заметим на будущее, что для римского общества на рубеже I—II вв. страх является серьезным аргументом, более того — главным аргументом.

По окончании процесса один из его участников обвинил другого представителя провинции — Норбана Лициниана в двурушничестве. Так тот, кто был «на стороне» Плиния, оказался среди обвиняемых. До этого Лициниан не интересовал Секунда, чему можно дать исчерпывающее объяснение. Даже теперь, когда Норбан получает от автора «Писем» ряд эпитетов, среди них нет ни одного, характеризующего провинциала как оратора. Не выделяясь речами, этот человек был за пределами интереса Плиния.

Лициниан *tanta conflagravit invidia homo alioqui flagitiosus*⁶ — «столь пылает ненавистью и ко всему прочему бесчестный человек», нажившийся на временах Домициана. Кроме того, он *malum pravumque* (злой и низкий). При этом его ответы на задаваемые вопросы характеризуются следующим образом: *confidenter*, *constanter*, *paratissime*. Каждое из трех определений имеет несколько значений: *confidenter* — уверенно, но и нагло; *constanter* — твердо, уверенно, не отступая от своего; *paratissime* (*superl.* от *paratus*) — очень подготовленно, находчиво; всегда зная, что ответить. Важно отметить, что вышеперечисленными качествами обладают *responsio* Норбана, а не его *sermo* или *disputatio*. Два последние слова вообще не употребляются по отношению к обвиняемому. И после такого описания совершенно неожиданно Плиний резко меняет свою оценку. Он

указывает сенату на положительные последствия поведения и действий Лициниана. Личность провинциала получает эпитеты *constantiam* (не путайте с предыдущей ситуацией, когда *constanter* был употреблен по отношению к словам, а не человеку) и *audaciam*. Эти два определения наглядно показывают нам, как резко негативная характеристика сменяется положительной.

Для Плиния, воспитанного и жившего во времена неспокойные, вершиной человеческого достоинства было умение отстаивать свою точку зрения, не поступаться принципами. Не зря он, помяная своего недруга Регула, не раз подчеркивал его непостоянство и беспринципность: *Est alioqui Regulo tam mobile ingenium, ut plurimum audeat plurimum timeat*⁷ (*Насколько в невыгодном свете предстает Регул, который так непостоянен, что бывает и смелым и трусливым одновременно*). Зная это, понимаешь, сколь ценно для Плиния постоянство. Второе качество — *audaciam* — еще более примечательно. Дело в том, что это не «обыкновенная» смелость, это одно из качеств системы гражданских добродетелей, выработанной позднереспубликанской историографией. Подобное качество приписывалось идеальному гражданину Рима во времена Цицерона. Плиний использует эту гражданскую добродетель для характеристики обвиняемого провинциала, которого он только что жестко порицал. Приписать эту черту Норбану, который в течение всего процесса остался при своем мнении, значит открыто противопоставить его Пробу и Гиспану, ведь для них главный аргумент защиты — *metus*. Человек может быть *malum praviusque*, но если он стоит на своем, то в глазах Плиния приобретает частичку древней *audacia*.

В завершение одного из писем⁸, посвященных этому делу, встречаются еще два эпитета, относящиеся к группе провинциалов. Провинциалы, обратившиеся к Плинию, названы *viros optimos* и *gratissimos*. Первое определение опять возвращает нас к системе гражданских добродетелей, так как оно взято как раз оттуда и переводится как «весьма достойные мужи». *Optimos* — превосходная степень от *bonus*. *Gratia*, употребленная в *gradus superlativus*, здесь является указанием на то, насколько провинциалы выполнили свой долг по отношению

к патрону, они как достойные мужи были в высшей степени исполнены *gratia*.

Следующее дело Плиния связано с защитой бывшего квестора Вифинии Юлия Басса, которого обвиняли во взяточничестве представители провинции⁹. В этом деле Секунд обращает внимание лишь на одного провинциала — грека Феофана. Это один из послов, организатор обвинения. Феофан единственный из провинциалов активно участвует в процессе, он *factiosissimus*, а значит, одновременно активный, деятельный, окруженный многими сторонниками, к тому же мятежный и властолюбивый. При этом эпитет употреблен в *gradus superlativus*, т. е. все вышеозначенные качества присутствуют в превосходной степени. Феофан активен в отстаивании обвинения, он его сердце, но, очевидно, его активность того же характера, как и у Норбана Лициниана, — она не распространяется на ораторские качества. Другой эпитет также показателен: грек *impudentissime*. Данное качество, выражаемое превосходной степенью, является одной из *flagitia* в системе гражданских добродетелей и предполагает достаточно однозначный перевод — «до крайности бесстыдный». В довершение этого Плиний пишет, что посоветовал сенаторам после процесса выдвинуть обвинение против самого Феофана, и упоминает о неких *conspiratione delatorum*, в которых замешан провинциал.

Четвертый процесс опять возвращает нас к ситуации вокруг Вифинии. Вновь представители этой провинции обвиняют римлянина — проконсула Руфа Варена. В письмах, посвященных делу, упоминаются трое провинциалов — Фонтей Магн, Клавдий Капитон и Полиен¹⁰. Последний лишь поименован. Магн отвечал *plurimis verbis paucissimis rebus*¹¹. Провинциал многословен, но смысла в его словах мало. Обращаем внимание еще раз на то, что эпитет, характеризующий смысловую нагрузку слов, использован в *gradus superlativus*.

Здесь мы видим редкий случай, когда Плиний открыто ссылается на некое общее свойство этнической группы¹². Фонтей Магн *pro copia volubilitas* — обладает текучим многословием *pleris que Graecorum* — как и большинство греков. И тут же качества речи связываются Плинием с личными качествами.

Он считает многословие и *impudentissimo* качествами всех греков. Напомним, что для Секунда греки — население огромной части империи, большинства городов восточных провинций. Кроме того, «греческой речи» свойственны *longas* (длительность) и *frigidas* (холодность).

Клавдий Капитон отвечает сенаторам *irreverenter magis quam constanter*. *Irreverenter* — производное от *reverentia*, это отрицание данного качества. *Reverentia* — гражданская добродетель; почтение, уважение, благоговение. Плиний констатирует отсутствие этой добродетели у Капитона и опять в превосходной степени (*magis*). Причем автор «Писем» замечает, что отвечает Капитон скорее непочтительно, чем уверенно, что уже дает возможность сопоставить его поведение с поведением провинциалов в других случаях, где применен термин *constantia* и его производные.

Немного в стороне от общественной практики Плиния стоит его характеристика Клавдия Аристона, участника другого дела, рассматриваемого в совете принцепса. Аристон *princeps Ephesiorum* — первый среди граждан Эфеса, *homo munificus et innoxie populus*¹³. Здесь, конечно же, важен эпитет *munificus*, как часть системы римских гражданских добродетелей, означающий «щедрость».

Подведем некоторые предварительные итоги. Представленные нам провинциалы контактировали с Плинием в ситуациях судебных процессов, являясь его оппонентами, и мы можем ожидать определенную закономерность в описании этих людей. Действительно, явно преобладают отрицательные характеристики. Большинство эпитетов характеризует свойства не личности описываемых, но их речей. В тексте констатируется определенная связь между поведением человека на процессе и его качествами. Плиний использует категории римской системы гражданских добродетелей. При этом большинство эпитетов, относящихся к провинциалам, стоят в превосходной степени. В одном из писем Плиний делает замечание касательно неких свойств, присущих именно грекам. Таковыми являются многословие при малом смысле речей, их продолжительность и холодность, т. е. отсутствие красноречия. И итогом он считает бесстыдность

греков. Особо следует отметить акцент, сделанный Плинием на роли оппозиции «страх, непостоянство — стойкость, уверенность» в характеристике провинциалов. Из общего описания слегка выпадает образ Норбана Лициниана, однако этот случай является исключением, подтверждающим правило.

Теперь обратимся к частным контактам Гая Плиния Цецилия Секунда с провинциалами. Можно выделить три случая, о которых Плиний сам рассказывает в отдельных письмах. Его знакомые — философ Евфрат, ритор Исей и философ Артемидор.

Из письма 10 книги I мы узнаем, что Плиний познакомился с Евфратом в Сирии, когда проходил военную службу. Уже тогда философ показался Секунду *obvius* и *expositus*. Первый эпитет переводится как «идущий навстречу, доступный, открытый, любезный, явный». Второй имеет почти синонимичные значения — «открытый, общительный, ясный, доступный». Следующее определение — *plenus humanitate*, где *humanitate* можно перевести как «внутренняя культура, духовная культура». Евфрат предстает исполненным некой духовности, хотя о подобном определении следует говорить с натяжкой. Вообще, во избежание неточностей или сужения круга понятий мы не станем пока переводить этот эпитет на русский язык.

Философ *sapiens* — мудрый, при этом *multa eminent* (выдающийся, блистающий) и *multa elucet* (яркий, выделяющийся). Образованностью своей (*doctos*) он производит впечатление даже на посредственностей. Его *disputat* — характер его споров, поведение во время речи, некие внешние качества речи — *subtiliter* (тонко, остроумно, ясно, точно), *graviter* (авторитетно, резко, крепко), *ornate* (красиво, изящно). По словам Плиния, в этом есть что-то от платоновских *sublimitatem* и *latitudinem*, качеств, предполагающих возвышенность и богатство языка. В свою очередь, *sermo* — внутренне содержание речи — Евфрата *copiosus* — богат мыслями; *varius* — разнообразно; *dulcis in primis* — сладостно, приятно. Но главное, его речи убеждают даже противников (*repugnates quoque ducat impellat*).

Далее с припиской *ad hoc* (к тому же) следует краткая характеристика внешности философа. Вступлением *ad hoc* расставляются акценты, и нам сразу понятно, что описание

внешности играет роль дополнения к описанию качеств речей. Высокое тело (*corporis proceritas*), красивое лицо (*decora facies*), длинные опущенные волосы (*demissus capillus*), большая седая борода (*ingens et cana barba*) — такова внешность Плиниева знакомого, которая дополняет общее производимое впечатление.

Примечательна следующая фраза — *nullus horror in cultu, nulla tristia*¹⁴, вновь возвращающая к внутренним качествам Евфрата. Нам кажется, что в соответствии с логикой повествования перевести ее следует так: «никакого страха в поведении (образе жизни), никакой печали». Слово *cultus* имеет широкий спектр значений. Плиний уже упоминал в отношении Евфрата термин *humanitate*, а теперь появляется еще и *cultus*. Это наталкивает на взаимосвязь между внутренней и внешней культурой, образом мыслей, речей и образом поведения философа. Гармоничное сочетание богатого внутреннего мира и отсутствие страха в поведении — вот тот образ, который создается благодаря этим двум понятиям. Что же касается отсутствия печали, то оно составляет оппозицию с другим качеством философа — *multum severitas*. Евфрат исполнен строгости и суровости, он не подвержен печали, скорби души. При этом сам эпитет взят из системы гражданских добродетелей. *Severitas* — одно из свойств идеального римлянина. Обе черты — внутренние, однако следом мы видим другую, уже внешнюю оппозицию. Плиний говорит, что его знакомый *reverearis occursum* (внушающий уважение), уважение — также одна из римских добродетелей. Но он *non reformides* — не пугающий. Оппозиция построена на противопоставлении уважения и страха. Оба качества касаются типа отношений человека с окружающими, с внешним миром.

Vitae sanctitas summa. Эта фраза звучит как итог — жизнь Евфрата является вершиной благочестия, однако далее, в том же предложении, мы читаем расшифровку того, что Плиний считает содержанием этого благочестия. Евфрат не карает пороки, но воспитывает людей. Собственная *vitae* — лучшее его оружие, лучший пример для воспитания. Развивая тему важности воспитания, Плиний упоминает, что у философа есть дети

и что он сам воспитывает их *dilligentissime* (с превосходным старанием, с превосходным тщанием). Для определения его стараний использован эпитет из системы римских гражданских добродетелей в *gradus superlativus*.

В довершение всего столь положительно оцененный провинциал получает еще одну характеристику: его в свою *familia* принимает некий знатный человек — Помпей Юлиан, выдав замуж за него свою дочь. Тесть Евфрата оценен как *agnus et clarus* (выдающийся и знатный). Указание подобного факта — еще один способ выгодно дополнить портрет философа.

Другой лично знакомый Плинию провинциал — сириец ритор Исей. В письме автор пытается уговорить адресата — наместника Мецилия Непота — послушать речи ритора¹⁵.

Sermo Исея характеризуется как аттическая, *tersae* (точная), *graciles* (тонкая, стройная, неприукрашенная), *graves* (строгая, серьезная, достоверная), *dulces* (сладостная), *erectae* (возвышенная, гордая). Сириец обладает даром *copia ubertas* — его речь содержательна, богата. Слова ритора *quaesita et exulta* — необыкновенные и подготовленные (обратите внимание на то, что последнее определение состоит из двух частей: *ex-culta*; снова появляется *cultus*).

Элементы речи имеют свойства *apte* (связно, стройно), он говорит *aperte* (чистосердечно, искренне, откровенно), ведет разговор — точнее, употреблен глагол *pugnare* — «сражаться, бороться, спорить и т. п.» — *acriter* (живо, пламенно), излагает *fortiter* (сильно, твердо, решительно, упорно), и наконец, свою речь он *ornat excelse* (украшает возвышенно). Одним словом (кстати, сходный оборот употреблен и у Плиния — *postremo*), Исей *docet* (учит), *delectat* (восхищает и услаждает), *afficit* (волнует, доставляет радость) даже сомневающимся (*dubites*). Это качества профессионального ритора, настоящего учителя.

Что же касается характеристики самого сирийца, то сказано, что он обладает *fama magna*, значительной славой. *Fama* — это одна из римских добродетелей, предполагающая известность, репутацию, чаще всего некое хорошее реноме в глазах общества. И опять термин в превосходной степени (*magna*). Будто бы случайно мы узнаем, что ритору за шестьдесят, упоминание

возраста — это единственный элемент внешнего описания во всем письме.

Давая характеристику учителям вообще, Секунд говорит, что нет людей более *sincerior* (подлинных, неподдельных), *simplicior* (прямодушных, правдивых, честных) и *melior* (более хороших). Эти слова можно отнести и к Исею. Плиний объединяет себя и Мецилия (местоимение *nos*) как людей, у которых эти качества менее выражены, так как в ходе судебных процессов им приходится лукавить.

Подобные размышления приводят автора к мысли, что ритор *disertissimum* и *beatissimum*. Красноречивейший и благословеннейший — эти два эпитета, определяют единственные качества, которыми Плиний наделяет личность своего знакомого напрямую, а не через сопоставление. В завершение Секунд заявляет, что человек, упорно отказывающийся присоединиться к обществу Исея, не обладает *iucundior* (радующий), *pulchrior* (прекрасный), *beni humanior* (высокообразованный). Все три эпитета в *gradus comparationis*; напрашивается вывод: те, кто входят в «круг Исея», обладают указанными качествами.

Третий рассматриваемый нами провинциал — философ Артемидор¹⁶. Секунд познакомился с ним еще в Сирии. Начиная письмо Юлию Генитору, человеку с хорошим вкусом, но суровому и нетерпимому, Плиний пишет *Artemidori nostri* — наш Артемидор, из чего можно сделать вывод, что Генитор также знаком с философом, тем более что *me cum apud alios tum apud te tantis laudibus cumulat*. Плиний хвалит Секунда, оказавшего ему услугу. Это обстоятельство объясняет, почему в письме нет эпитетов, посвященных качествам речи Артемидора, — они не нужны, ведь адресат уже слушал выступления провинциала.

Артемидор *benigna natura*. Это многозначное определение: один вариант — «радушный, добросердечный, дружелюбный», но особенно интересен вариант «щедрый или даже расточительный». В связи с упоминаемыми Плинием ниже некими растратами *ex pulcherrimis causis* (на прекраснейшие цели), совершенными философом, этот вариант становится более предпочтителен. *Officia amicorum in maius extolat* — он в большей степени, чем другие, превозносит дружескую помощь.

Философ определен как *virum sapientem* — человек мудрый или близкий к мудрости, находящийся на пути к достижению мудрости в категориях поздней Стои.

Тирада о выносливости и неприхотливости Артемидора заменяет описание его внешности и дается в уже знакомом нам стиле *ad hoc*.

Еще два качества, которыми наделяет своего знакомого Плиний, — *sinseritate et veritate*, неиспорченным и правдивым назван он. Снова используется описание через третьих лиц — высшей похвалой для Артемидора является то, что его себе в зятя выбрал такой человек, как философ-стоик Музоний Руф. Ситуация, сходная с Евфратом. В конце письма еще раз встречается эпитет *benignitas*, производный от *benigna*, — речь снова идет о неумеренности Артемидора, а также присутствует фраза *vir alioqui prudentissimus* — муж, к тому же в высшей степени знающий (опытный, умный, рассудительный, сознательный, сведущий). Совершенная им ошибка (трата сверх дохода, которая ввела его в значительные долги) характеризуется как *honesto*. Иными словами, потеря чувства меры (*ex pulcherrimis causis*) является ошибкой, но с оттенком благородства.

Таким образом, в трех письмах Плиний целенаправленно описывает своим знакомым римлянам трех известных ему провинциалов. Цели письма оказывают влияние на содержание текста. В описании можно выделить определенную структуру: превалирующее значение имеет характеристика ораторских качеств человека, которые рассматриваются шире, нежели просто речь, — это умение воздействовать на окружающих через внешние поведенческие качества (*disputat*) и внутреннее содержание слов (*sermo*); описание внешности присутствует, но выполняет функцию дополнительного элемента, подчиненного функциям речей (*ad hoc*); в каждом случае описываемый находится в отношениях с одним человеком или группой людей, которые, принимая провинциала в свой круг, поднимают его реноме. Плиний использует категории римской системы гражданских добродетелей. Автор прибегает к оппозициям, противопоставляя страх, испуг, наказание и обучение, демонстрацию положительного примера. Кроме того, через систему оппозиций

создается картина взаимосвязи внутреннего и внешнего мира человека. Последнее, безусловно, более свойственно описанию качеств Евфрата, чем других провинциалов.

Подводя итоги нашей работы, попытаемся дать ответы на ряд вопросов. Есть ли у Плиния единый образ провинциала? Противопоставлен ли этот образ образу римлянина? (Логичен также вопрос «а есть ли вообще у Плиния это самый единый образ римлянина?», однако ответ на него выходит за рамки нашего исследования.) Какие механизмы использует Плиний для формирования у читателя образа конкретного провинциала?

Столь заманчиво, читая и перечитывая строки, посвященные провинциалам, сделать вывод о том, что единого целостного образа у автора писем не сложилось: слишком различными кажутся нам описания таких людей, как Норбан Лициниан, Бебий Проб, Феофан и Евфрат, Исей, Артемидор.

Плиний — интеллектуал. Его представления о мире двуедины. Ему, как и любому интеллектуалу, свойственно видеть окружающее не только своими глазами, но и глазами той традиции знаний, к которой он приобщен. Интеллектуал живет в двух мирах — в мире, где существуют его близкие, друзья и знакомые, и в другом мире, где он является частью цепочки людей, из поколения в поколение передающих и пополняющих запас знаний в своей культурной среде. Он может спорить, соглашаться или игнорировать — одним словом, воспринимать в качестве активной позиции мнения людей, живших и творивших столетия назад. Для него они столь же живы, как и современники. Лучшим примером этого является случай из 20-го письма V книги. Рассуждая о качествах, присущих грекам вообще (этот случай мы уже упоминали в ходе работы), Плиний приводит остроумное замечание своего современника Юлия Кандида, консула 105 г., по поводу различия красноречия и многословия и в той же строке упоминает мнение по этому поводу М. Антония, оратора и старшего современника Цицерона, жившего почти за двести лет до того. Мысль второго продолжает идею первого, и читателю кажется, что эти трое (Плиний, Кандид и Антоний) общаются в реальном времени.

Плиний сам говорит об этом, не раз упоминая о бессмертии, которое может быть достигнуто лишь через творчество. Оба мира — реальный мир и мир предшественников неразрывны.

В этом и кроется ключ к пониманию образа провинциала у Плиния. Этот образ не един, он двуедин. Классификация, избранная нами, убедительно доказывает, что в формировании образа провинциала у Плиния ключевое место занимает то, какой подход использует автор, категории какого «мира» он применяет к человеку.

Как наследник богатой интеллектуальной традиции, Плиний использует в своем описании провинциалов принцип единства внутреннего и внешнего. Внешнее портретное описание дополняет качества речи, поведение «помогает» словам. Древнее чувство гармоничного развития сыграло свою роль в качестве элемента интеллектуальной традиции в восприятии провинциалов. Помимо этого элементы той же традиции можно усмотреть в тех моментах, о которых мы уже говорили. Так, когда Плиний, рассуждая о связи между многословием (внешним качеством) и бесстыдством (внутренним качеством), опирается на мнение позднереспубликанского оратора М. Антония: «Как и все греки...», это заимствованный элемент восприятия провинциалов. В то же самое время активное использование понятий римской системы гражданских добродетелей, особенно по отношению к людям первой категории, говорит о том, что Плинию свойственно характеризовать менее знакомых или незнакомых провинциалов в соответствии с системой, выработанной позднереспубликанской историографией. Их поведение оценивается почти всегда эпитетами времен Цицерона.

Однако Плиний обладает редкой особенностью — он интеллектуал и практик одновременно. Жизнь автора «Писем» протекала в тяжелое время. Он провел годы своей молодости в Риме времен Домициана. Это определило то, что во всех его портретных описаниях присутствует идея неприятия унижения, страха, беспринципности и лицемерия. Лучший способ передачи знания, лучший способ убеждения — личный пример, обучение, умелая речь, но не страх, не укор, не наказание, отсюда идея о стойкости, уверенности, умении стоять на своем как

высших достоинствах. Привнесение этих качеств в портреты провинциалов, безусловно, является личным вкладом Плиния, результатом его жизненного опыта. Лучшее доказательство этого — пример Норбана Лициниана. Житель Бетики характеризуется крайне отрицательно, однако его поведение на процессе вынуждает Плиния назвать его уверенным, стойким и даже смелым, один лишь раз применив лично к провинциалу первой категории римскую *virtus*. Пример Норбана Лициниана единственный, когда столь явно нарушается принцип взаимосвязи внутреннего и внешнего мира: внутренние качества охарактеризованы отрицательно, внешние (поведение по отношению к другим людям) — положительно.

Секунду свойственно использовать категории *virtus* и *flagitia*, но для него это больше общечеловеческая система оценки поведения, нежели модель идеального римлянина. Плиний часто возводит эпитеты в превосходную степень, хотя *virtus* абсолютны сами по себе, они не бывают большими или меньшими с точки зрения позднеереспубликанской историографии. Следовательно, Плиний уже не осознает принципиальной разницы между категориями этой системы и остальными определениями. Еще одним механизмом формирования образа становится соотнесение конкретного провинциала с неким кругом так или иначе определенных лиц. Приобщение к кругу сирийца Исея облагораживает человека, а грек Феофан является главарем группы доносчиков. Да и члены посольства, в котором участвовал Норбан Лициниан, охарактеризованы как *viros optimos*.

В тексте источника прослеживаются две определяющие тенденции — несовпадение образа провинциала и характеристик Другого; отсутствие единого образа, который заменен двуединым восприятием.

Образ провинциала у Плиния вписан в систему восприятия мира и людей. У него существует представление о провинциалах, заимствованное от интеллектуалов прошлого, и Плиний искренне верит в этот образ. Но при близком знакомстве с отдельными людьми Секунд дополняет свое представление тем, что он лично вынес из жизни. Одно не отменяет, а дополняет и видоизменяет другое. Образ провинциала не статичен, но подви-

жен, и читая «Письма», мы наблюдаем этот образ в динамике. Для Плиния Другой — это уже не столько провинциал, сколько человек *impudentissimus*. И если интеллектуалы времен Цицерона декларировали тождественность этих двух понятий, противопоставляя их образу римлянина, то прошедший горнило домициановой эпохи, переживший все ужасы раннего принципата Гай Плиний Цецилий Секунд научился многое проверять на собственном опыте. Его образ Иного весьма иллюзорен, но этот образ — характерная часть всего мировоззрения интеллектуала.

¹ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.thelatinlibrary.com/pliny.html> (24.09.2004).

² См.: Луцицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках Крестовых походов. СПб., 2001.

³ См.: Утченко С. Л. Две шкалы римской системы ценностей // Вестн. древней истории. 1972. № 4. С. 19—33; Он же. Еще раз о римской системе ценностей // Там же. 1973. № 4. С. 30—47.

⁴ С. Plinii Caecilii Secundi Opera. Epistolarum Libri Decem, II. 11, 12 (далее — PJ. Ep.).

⁵ PJ. Ep. III. 9, & 12.

⁶ PJ. Ep. III. 9, & 31.

⁷ PJ. Ep. II. 11, & 22.

⁸ PJ. Ep. III. 9, & 36.

⁹ PJ. Ep. IV. 9.

¹⁰ PJ. Ep. V. 20; VI. 5, 13.

¹¹ PJ. Ep. V. 20, & 4.

¹² Ibid.

¹³ PJ. Ep. VI. 31.

¹⁴ PJ. Ep. I. 10, & 7.

¹⁵ PJ. Ep. II. 3.

¹⁶ PJ. Ep. III. 11.

А. Т. Шашков

Интеллектуальные маргиналы России и судьбы их идейно-литературного наследия (XVI—XVII вв.)

Среди имеющихся подходов к определению содержания такой достаточно расплывчатой дефиниции, как интеллект-